

Тимур Бочаров, Екатерина Ходжаева

Академические репутации и социальный портрет российских ученых-юристов

Под редакцией Кирилла Титаева

аналитический отчет

Санкт-Петербург
2022

УДК 316.334.4
ББК 60.54
586

Рецензенты:
канд. социол. наук *М. М. Соколов*, канд. юрид. наук *Д. А. Савельев*

586 **Бочаров Т.Ю., Ходжаева Е.А.** Академические репутации и социальный портрет российских ученых-юристов / под ред. К.Д. Титаева – СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2022. – (Аналитические записки по проблемам правоприменения; вып. 4(2022)). – 30 с.

ISSN 2307-2032 online
ISSN 2306-6520 print

В аналитическом отчете предлагается анализ профессиональных репутаций, социальных характеристик и научных практик академического сообщества российских юристов. Авторами дается детальный социальный портрет сообщества: демографические признаки, мобильность, преподавательская нагрузка и вовлеченность в юридическую практику. В отчете впервые на основе репрезентативного анкетного опроса ученых-юристов построены рейтинги наиболее авторитетных фигур, внесших вклад как в российскую правовую науку в целом, так и в отдельные отрасли права.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта N 21-18-00519, поддержанного Российским научным фондом. Мы признательны компании eLIBRARY.RU за помощь в создании базы рассылки и в организации исследования. Авторы выражают благодарность руководителю проекта Михаилу Соколову и участнице Катерине Губе, а также Кириллу Титаеву и Руслану Кучакову из ИПП ЕУСПб за помощь в разработке инструментария опроса, анализе его результатов и визуализации. Мы также благодарны Денису Савельеву за рецензирование текста отчета.

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП – содействие судебной реформе и утверждению принципа верховенства права в России. Направления деятельности – проведение научных исследований, публикации и доведение до сведения широкой общественности их результатов, инициация общественных дебатов, выработка стратегических рекомендаций для всех заинтересованных сторон, включая тех, кто принимает решения, а также развитие обучающих программ. Деятельность института поддерживается Сбербанком, ПАО «МТС», Российским научным фондом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.

Контакты:

Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/1лит. А.,
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: (812) 386 76 12
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

Настоящее издание может свободно и без получения особого разрешения правообладателя распространяться в электронном виде при условии, что копирование и/или распространение не преследует целей извлечения прибыли, сохраняется указание имен авторов и правообладателя и не модифицируется, включая конвертацию в другие форматы файлов, оригинальная электронная версия издания, которую можно загрузить с сайта – www.enforce.spb.ru.

© Коллектив авторов, 2022
© Институт проблем правоприменения
при Европейском университете
в Санкт-Петербурге, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Executive summary	4
Введение	5
Данные и методы	7
Социальный и профессиональный портрет академического сообщества юристов	8
Предварительные замечания: создание репутационного рейтинга из ответов респондентов	14
Общий репутационный рейтинг ученых-юристов	16
Связь формальных показателей публикационной активности, цитирований и места в репутационном рейтинге	19
Репутационные рейтинги ученых-юристов в различных отраслях права	19
Слабая вовлеченность в зарубежную академию, методическая и дисциплинарная открытость юристов	22
Мнения по дискуссионным вопросам в сфере юридической профессии, науки и образования	25
Мнения по дискуссионным вопросам устройства и работы правовой системы	27
Приложение	30

EXECUTIVE SUMMARY

Отчет представляет результаты первого в России масштабного репрезентативного опроса ученых, пишущих статьи по юридическим дисциплинам. Совместно с компанией eLIBRARY.RU, создателем Российского индекса научного цитирования и сайта библиотеки Elibrary.ru для исследования были отобраны более 23 тысяч аккаунтов авторов, которые

- за последние пять лет публиковали минимум 3 статьи в базе научных публикаций Elibrary и
- имеют в публикационном портфеле перевес в пользу публикаций по отрасли «Государство и право» над остальными дисциплинами.

Всем им было разослано приглашение принять участие в опросе и создании репутационного рейтинга российских юристов. В исследовании приняло участие более 4 тысяч человек. Полученная выборка практически полностью совпадает по полу и месту жительства с базой рассылки, что делает исследование репрезентативным для ученых-юристов в России. Уникальность исследования состоит в том, что здесь впервые используются и соотносятся две базы данных – результаты опроса и библиографические показатели РИНЦ.

Репутационный рейтинг был построен на основе ответов на вопрос о ныне живущих российских юристах, внесших вклад в развитие юриспруденции (респонденты могли назвать до пяти ученых). В целом были номинированы хотя бы одним голосом почти две тысячи авторов. Большинство из них имеют мало голосов. Лидеры рейтинга (от 50 голосов и выше) представляют разные отрасли права и это доказывает, что российская юридическая наука разделена на отдельные отрасли, объединяющих лидеров всего сообщества не наблюдается.

1. Полученный список из 30 самых известных юристов, если можно так сказать, «москвоцентричен»: столичные вузы и исследовательские центры заметно доминируют, в то время как в целом среди опрошенных они составляют менее трети.
2. Сравнение репутационного рейтинга с формальными показателями публикационной активности ученых-юристов и цитируемости их трудов показывает, что для лидеров рейтинга связь этих показателей работает: чтобы стать известным юристом, нужно довольно много писать и быть востребованным. Среди тех, кто попал в топ-30 рейтинга, нет авторов, мало цитируемых и редко пишущих. Однако в нашей базе были авторы, публикующиеся и цитируемые ничуть не меньше, чем лидеры репутационного рейтинга, но никем из опрошенных не названные. Это делает статистически слабой связь формальных показателей и голосования о репутационной известности.
3. Самыми популярными специализациями российских юристов оказываются уголовное, гражданское право, теория государства и права (их назвали по 22–24% опрошенных). Специализацию на уголовном процессе и конституционном праве указал каждый шестой и седьмой опрошенный (18–16%). В целом репутационные рейтинги по отдельным отраслям более нюансировано представляют свои авторитетные фигуры и свою шкалу репутаций в каждом отраслевом сегменте сообщества.
4. Исследование позволило собрать уникальные данные о самом сообществе ученых-юристов в России. Это практически в равной степени мужчины и женщины в среднем в возрасте 46 лет, в основном имеющие кандидатские степени. Подавляющее большинство преподают в вузах (более 80%), еще почти четверть работают научными сотрудниками. При этом для более половины ответивших ученых (54%) наука и преподавание являются единственными видами занятости. Совмещают науку и преподавание с юридической практикой 23% и занимаются исключительно юридической практикой 14% респондентов.
5. В отличие от общего потока выпускников юридических факультетов и вузов, на 70% состоящего из заочников, в юридической науке остаются в основном выпускники дневных отделений (72%). Доля тех, кто выпустился из юридических факультетов классических вузов среди ученых-юристов составляет почти половину (тогда как среди всех, получающих юридическое образование, – одну пятую часть).

6. Ведомственная наука также представлена широко в поле российской юридической академии: 22% ученых получили образование в ведомственных вузах (в целом в потоке выпускников вузов – только 11%), почти каждый четвертый опрошенный преподаватель вуза – сотрудник правоохранительных органов.
7. Российское академическое юридическое сообщество характеризуется автономностью по отношению к зарубежной академии. Почти все ученые-юристы посещают научные мероприятия внутри страны – только 5% ответили, что не участвовали в конференциях за последние 5 лет. Ученые-юристы посещают преимущественно (85%) конференции в своем городе. Две трети респондентов (66%) имели опыт участия в научных конференциях в другом регионе России за последние 5 лет. Однако участие в зарубежных конференциях за тот же период указал лишь только каждый шестой респондент (17%).
8. Профессиональные установки опрошенных соответствуют указанной автономности русскоязычной юридической науки: большинство респондентов высказалось в пользу приоритета русскоязычных публикаций при оценке научных достижений (90% полностью или скорее согласны), а также не поддерживает мнения о том, что уровень зарубежных журналов в среднем выше (69% полностью или скорее не согласны).
9. В целом для юридического научного сообщества характерна сильная прогосударственная позиция: высокий консенсус ученые-юристы продемонстрировали в вопросе о необходимости увязки научных исследований с интересами страны и государства – 86% полностью или скорее согласны с данным утверждением.
10. Несмотря на доминирование формальных юридических методов в исследованиях, более половины респондентов сообщили, что за последние пять лет они применяли в своей работе те или иные эмпирические методы. Это особенно важно с учетом того, что преподавание этих методов, даже на программах магистратуры и аспирантуры юридических факультетов (которые готовят будущих ученых) сейчас крайне ограничено.

ВВЕДЕНИЕ

Данный аналитический отчет продолжает серию отчетов по исследованиям академических репутаций в российских социальных науках, проводимых в Европейском университете в Санкт-Петербурге¹. Так, в рамках проекта Центром институционального анализа науки и образования (ЦИАНО) совместно с научной электронной библиотекой Elibrary уже были опубликованы результаты исследований репутаций социологов², политологов³ и экономистов⁴.

Значение ученых и востребованность их идей могут быть измерены различным образом. Формальными признаками могут являться научные степени, статусные регалии (академическое звание профессора, членство в президиуме Академии и пр.), включенность в производство академических репутаций других ученых (редакторство в научном журнале, членство в диссертационном или ученом совете и пр.).

¹ Проект «Библиометрическая оценка академических репутаций в социально-гуманитарных дисциплинах», поддержанный грантом РФФИ 21-18-00519. Мы признательны компании eLIBRARY.RU за помощь в создании базы рассылки и в организации исследования. Авторы выражают благодарность руководителю проекта Михаилу Соколову и участнице Катерине Губе, а также Кириллу Титаеву и Руслану Кучакову из ИПП ЕУСПб за помощь в разработке инструментария опроса, анализе его результатов и визуализации. Мы также благодарны Денису Савельеву за рецензирование текста отчета.

² Соколов М. Академические репутации в российской социологии: ЦИАНО ЕУСПб, 2020.

³ Соколов М., Агафонов Ю. Академические репутации российских политологов и отечественное политологическое сообщество. ЦИАНО ЕУСПб, 2022.

⁴ Соколов М.М., Чечик Е.А. Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки. ЦИАНО ЕУСПб, 2022.

В последние годы оценка работы ученых все чаще опирается на библиометрические показатели, измеряющие не только публикационную активность ученых, но и востребованность их идей через цитирование другими авторами. Эти показатели могут вызывать критику, потому что доступны для манипулирования. Некоторые авторы инициируют массовое производство статей, и ссылок на них (так называемые «цитатные картели»).

Поэтому важным индикатором является и известность ученого в его научной дисциплине, которую можно измерить опросным методом. Данное исследование как раз представляет такой опрос, на основании которого можно выстроить репутационный рейтинг российских юристов и соотнести его с библиографическими метриками из Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Таким образом, репутационный рейтинг – это частота упоминания ученого коллегами в ходе прямого опроса. Библиографические же рейтинги – это количество публикаций и количество ссылок на них в системе РИНЦ.

РИНЦ, и в целом база Elibrary – это большая база публикаций российских ученых в академических журналах и других форматах (сборники статей или тезисов, монографии, обзоры, доклады). Он формируется как инициативно – когда журналы или университеты загружают научные труды в систему, так и реактивно – путем загрузки публикаций из списков литературы, приложенных к загруженным публикациям. Таким образом, автор может вообще не знать о существовании РИНЦ, но быть там представленным. В РИНЦ могут попадать из цитат и неакадемические источники (публикации в СМИ, официальные доклады государственных органов). Для того чтобы как-то сфокусировать метрики именно на академических трудах, используется понятие «ядро РИНЦ». В него входят только признанные научные тексты, чаще всего журнальные статьи. Поэтому из всех количественных критериев РИНЦ (число публикаций, число цитирований) мы используем метрики именно по ядру РИНЦ.

Каждая публикация, включенная в РИНЦ, маркируется дисциплинарно по коду. Это позволяет осуществлять поиск авторов, журналов, статей именно внутри научной дисциплины.

В представленном отчете наше внимание направлено на академическое сообщество юристов. Хотя основной фокус проекта связан с построением репутационного рейтинга ученых-юристов, мы также впервые описали социальный профиль юридического сегмента академического сообщества.

Очевидно, что часто преподаватели и исследователи в области права мало отличаются от представителей любых других обществоведческих дисциплин. Университет и научные институты с их общими стандартами и требованиями создают более или менее однородную институциональную среду. Тем важнее для нас было в работе над отчетом выявить и показать особенности академического сообщества юристов.

Одной из главных таких особенностей, на наш взгляд, является ярко выраженная специализация внутри юриспруденции. Преподаватели и ученые, занятые в одной отрасли права, могут иметь очень слабое представление о том, что происходит в других отраслях. Это касается прежде всего базового разделения на такие крупные блоки, как гражданское право, уголовное право и конституционное право. Однако даже внутри каждого блока может существовать и часто существует более мелкое деление. Во многом это объясняется масштабами юридической академии (юриспруденция – одна из самых больших дисциплин, представленных в вузах).

В большинстве университетов такое разделение воспроизводится и в образовательном процессе. После посещения общих курсов в первые годы обучения студенты затем делятся на эти три ответвления и начинают посещать уже специализированные дисциплины из выбранного блока. Подобное деление воспроизводится не только в преподавании, но и в научной жизни. Многие юридические журналы и соответственно публикации имеют отраслевой характер. В поле юриспруденции работают разные ведомственные и отраслевые научные институты, которые формируют даже собственные субдисциплины (например, такие относительно экзотичные и, на первый взгляд не имеющие прямого отношения к праву, как «оперативно-разыскная деятельность» или «экспертная деятельность»). В связи с этим мы посчитали нужным сформировать не только общий репутационный рейтинг ученых-юристов, но также дополнить его и рейтингами по крупнейшим отраслям права.

Другой особенностью юриспруденции принято считать связь с профессиональной практикой. Это правда, что подобная связь есть и в других социальных дисциплинах. Например, социология дает кадры для маркетинга и опросной индустрии, а политология производит в том числе политтехнологов. Однако рынки, с которыми работают эти социальные науки, несопоставимы по размеру с рынком юридических услуг. Практически вся педагогическая деятельность на юридических факультетах направлена скорее на подготовку практикующих юристов, нежели будущих кабинетных ученых (в отличие от многих других наук). Научная деятельность, соответственно, также часто направлена на поддержку практикующих коллег, а не на чисто академические достижения. Целый кластер юридических вузов занят исключительно подготовкой кадров для правоохранительной системы (т.н. ведомственные юридические вузы).

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

В основе исследования лежат данные анкетного опроса русскоязычных ученых-юристов, проведенного в мае-июне 2022 года. База для рассылки анкеты была сформирована автоматически по всем профилям РИНЦ по двум критериям:

1. наличие не менее трех публикаций в базе РИНЦ⁵ по юридической тематике⁶ за последний пять лет;
2. численный перевес (50% и более) текстов по правовой тематике в общем публикационном портрете автора.

Надо отметить, что при таком подходе в базу рассылки попало определенное число пишущих на русском ученых из других стран помимо России. Всего были отобраны 23 833 аккаунта в РИНЦ, из них подавляющее большинство (22 523, 94,5%) принадлежат ученым-юристам, работающим в России. Самыми популярными городами, где работают потенциальные респонденты, ожидаемо оказались мегаполисы: Москва (6455, 27,1%), Санкт-Петербург (1593, 6,7%), Екатеринбург, Краснодар и Саратов (порядка 700–730 юристов, по 3%), Ростов-на-Дону (около 600 человек, 2,5%), Иркутск, Казань, Волгоград, Уфа, Нижний Новгород (около 2%, от 450 до 520 человек). Из зарубежных академических сообществ самым представленным в исследуемой генеральной совокупности оказался Минск (370 человек, 1,6%), что сравнимо с представленностью юридических академий из Воронежа, Омска и Рязани (370–420 человек, 1,6–1,7%). По полу отобранная через аккаунты РИНЦ генеральная совокупность распределилась почти поровну с небольшим перевесом в пользу мужчин (51,3%).

Весь этот список авторов в РИНЦ был разбит случайным образом на четыре группы, которым вопросы об академических репутациях задавались в разных формах. В первую группу попали респонденты, которых просили перечислить пять ныне живущих ученых, значимых для юриспруденции в целом. Тем, кто оказался во второй группе, задавался вопрос о наиболее важных персоналиях для их отрасли права (сначала задавался вопрос об отрасли права, список отраслей можно увидеть на рисунке 4). Наконец, в третью и четвертую группы были включены респонденты, которым задавались оба этих вопроса, но в разной очередности.

Всем потенциальным респондентам было от имени РИНЦ разослано приглашение-ссылка с просьбой заполнить электронную анкету онлайн. Всего мы получили более 6 тыс. откликов на анкету, однако оказалось, что более тысячи человек заполняли анкету дважды. И большая часть таких дублей — это респонденты, которые недозаполнили анкету в первый раз, и прошли по

⁵ База РИНЦ имеет несколько уровней. Публикации, учтенные сайтом Elibrary, входящие в собственно Российский индекс научного цитирования (далеко не все публикации из первой группы попадают во вторую), далее еще более узкие группы наиболее авторитетных публикаций попадают в ядро РИНЦ и в Russian Science Citation Index. В данном случае для отбора использовался наиболее широкий набор публикаций. Говоря в терминах платформы «все публикации автора на elibrary».

⁶ В профиле автора указано, что его или ее публикации маркированы тематически как относящиеся к категории «Государство и право. Юридические науки».

ссылке дважды. Повторный клик по ссылке создавал новую анкету и требовал нового заполнения. Но были и те, кто распространяли свою ссылку коллегам, чтобы те также поучаствовали в опросе. Политика очистки данных от дублей состояла в том, чтобы оставить в анализе те из них, в которых большинство ответов оказалось содержательными. Важно, что часть анкет так и осталась недозаполненными, и если респонденты не отвечали на вопросы о специализации или рейтинге юристов, мы принимали решение об удалении их из анализа. Таким образом были удалены все плохо заполненные, дублирующие анкеты, а также анкеты, заполненные лицами, отличными от адресата. После процедуры очистки данных от дублей и «пустых» анкет в итоговой выборке осталось 4 187 анкет. Общая доля ответивших в итоге составила 18% от общей базы потенциальных респондентов и может считаться достаточной для опросов, организуемых методом рассылки.

Однако не на все вопросы респонденты давали ответы; некоторые вопросы ими пропускались, что допускалось дизайном вопросника. Все данные о процентном распределении ответивших на вопросы анкеты, если не оговорено иное, приводятся без учета пропущенных значений.

Опрошенная выборка оказалась немного более смещенной в пользу мужчин, нежели генеральная совокупность: если в общей базе для рассылки респондентов-мужчин было 51,3%, то в опросной выборке мужчины составили 54%, а женщины 46%, соответственно. Подавляющее большинство ответивших (90%) постоянно проживают в России, что несколько ниже, чем в генеральной совокупности (94,6%). Это означает, что ученые-юристы из других стран (прежде всего из постсоветского зарубежья) с большей активностью откликнулись на опрос, чем россияне. Их голоса как часть русскоязычного академического сообщества юристов учитывались при составлении репутационных рейтингов. Однако данные о социальных и профессиональных характеристиках академического сообщества, мобильности, занятости, мнения о состоянии науки и образования и т.д. ниже приводятся без учета ответов ученых из зарубежья.

Представленность разных городов в выборке почти не отличается от генеральной совокупности. Москвичи также составляют чуть меньше трети (28,5%), а петербуржцы – меньше десятой доли (8,2%). Это на 1–2 процентных пункта выше, чем в целом среди тех, кому рассылались анкеты, – 27,1% и 6,7% соответственно. Следующими по активности в опросе идут ученые из Саратова и Екатеринбурга (3,6% и 3,4% соответственно). Активность ученых из Минска ставит их на следующее место по представленности в выборке (2,7%), и уже за ними идут иркутяне (2,5%), краснодарцы (2,4%), юристы-ученые из Ростова-на-Дону и Нижнего Новгорода (по 2,2%). Казанцы и омичи составили по 1,9–1,8%, а ученые из Рязани и Волгограда – по 1,5%. Таким образом, и региональная структура опрошенных в целом совпадает с представленностью городов в генеральной совокупности, с той лишь разницей, что ученые из Беларуси оказались более активными, и в выборке несколько меньше представлены уфимцы (1,3%) и воронежцы (1%).

Все это в целом показывает, что существенных смещений по половой, страновой и региональной представленности выборки от базовых показателей генеральной совокупности не произошло. И полученные данные можно считать репрезентативными для академического юридического сообщества. Соответственно, выводы, которые мы делаем при анализе выборки могут быть перенесены на все научное юридическое сообщество.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ЮРИСТОВ

Охарактеризуем кратко основные социально-демографические характеристики отечественной юридической академии.

Средний возраст ответивших ученых-россиян составляет 46 лет.

Для значительной части респондентов характерна довольно низкая географическая мобильность. Так, свыше половины респондентов (53%) на данный момент работают в том же регионе, где окончили среднюю школу и получили высшее образование. Доля тех, кто уехал получать выс-

шее образование в другой регион, а затем остался в нем работать, составила 19%. Незначительная часть респондентов (5%) после школы уезжали получать высшее образование в другой регион, но вернулись обратно работать после получения диплома. В итоге высокая мобильность (т.е. школа, вуз и текущая работа в разных регионах) характерна лишь для 23% участников опроса.

Подавляющее большинство респондентов (96%) отметило, что имеет высшее юридическое образование – диплом бакалавра или специалиста. Половина из них получили юридический диплом в классическом университете, еще четверть в юридической академии – выпускники ведомственных юридических вузов. Имеет смысл сравнить эти данные с официальными данными о распределении студентов-юристов, обучавшихся в разных типах вузов (Табл. 1). К сожалению, данные о потоках студентов опубликованы только для начала 2010-х годов, поэтому это сравнение более корректно для тех респондентов, кто окончил вуз в этот период времени⁷.

Таблица 1. Типы вузов и доли обучавшихся на дневном отделении среди ученых-юристов и общего потока студентов-юристов

Вузы, в которых ученые-юристы получали образование			
<i>Тип вуза</i>	<i>Всего среди ученых-юристов с юридическим образованием</i>	<i>Среди ученых-юристов с юридическим образованием, закончивших вуз в 2012–2017 гг</i>	<i>Справочно: распределение студентов юридических специальностей по типам вузов в 2012 году⁸</i>
Юридический факультет классического университета	47%	50%	21%
Специализированный юридический вуз	22%	24%	28%
Юридический факультет отраслевого вуза	9%	9%	39%
Вуз, подведомственный правоохранительным органам	22%	18%	11%
	100% (3367 респондентов)	100% (409 респондентов)	100%

Доли обучавшихся на дневном отделении среди ученых-юристов и общего потока студентов-юристов

Доля обучавшихся на дневном отделении	72%	81%	28%
---------------------------------------	-----	-----	-----

Сравнение показывает, что юридическая наука в России воспроизводится прежде всего за счет классических юридических факультетов, специализированных юридических вузов, включая ведомственные – это 90% всех авторов РИНЦ с юридическим образованием. В то же время самым массовым юридическим образованием в постсоветской России оказываются юридические факультеты отраслевых вузов (гуманитарных, технических и прочих) – в них на начало 2010-х годов обучались двое из пяти студентов-юристов. При этом важно понимать, что наблюдаемая закономерность может объясняться двумя фактами. С одной стороны, выпускники отраслевых ву-

⁷ Моисеева Е. Юридическое образование в России: анализ количественных данных (Серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения»). СПб: ИПП ЕУСПб, 2015. С.8, 12. Данные о количестве студентов приводятся по состоянию на 2012 год.

⁸ Там же.

зов могут реже включаться в академическую работу. С другой стороны, мы анализируем не конкретный вуз, а ту категорию, к которой отнес его опрошенный. Это означает, что условно «юридический факультет среднеуниверситетского аграрного университета» в классификации наших коллег (последняя колонка) оказывался бы в строке «отраслевые вузы», а в восприятии респондента (остальные колонки) может оказаться и в других строках.

Большинство опрошенных ученых (72%) получили юридическое образование на очной дневной форме обучения (Табл. 1). А среди тех, кто учился в вузе в начале 2010-х годов, этот показатель еще выше (81%). В этом юридическая академия кардинально отличается от общего студенческого потока: в 2012 году только 28% студентов юридических программ учились очно на дневном отделении. Это сравнение показывает, что академическую карьеру выбирают в основном те, кто вовлечен в учебный процесс и делает обучение в вузе своей преимущественной занятостью на дневном очном отделении. Означает ли это, что у заочников нет такой возможности или нет такого желания, понять невозможно.

Двое из пяти (40%) опрошенных ученых имеют иное высшее образование наряду или вместо юридического. Чаще всего педагогическое (9%) или историческое (7%).

Таблица 2. Ученые степени и место защиты диссертаций

Ученые степени ученых-юристов		
	<i>Кандидатская</i>	<i>Докторская</i>
Доля опрошенных	66%	17%
Их них: степень получена по юридической специальности	90%	95%
Из числа имеющих степень по юридической специальности, получили ее:		
В учебном или научном учреждении города, в котором респондент проживал на момент защиты	55%	52%
В учебном или научном учреждении иного города региона, где респондент проживал на момент защиты	11%	10%
В учебном или научном учреждении иного региона относительно того, где респондент проживал на момент защиты	34%	38%
	100% (3 478 респондентов)	100% (3 478 респондентов)
Из числа имеющих степень по юридической специальности, получили ее:		
В том же учебном заведении, где получал только высшее образование	16%	11%
В том же учебном заведении, где получал высшее образование и заканчивал аспирантуру	15%	13%
В том же учебном или научном учреждении, где заканчивал только аспирантуру	22%	12%
В ином учебном или научном учреждении	47%	64%
	100% (2 284 респондента)	100% (568 респондентов)

Специальность:

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	19%	19%
12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	16%	18%
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	14%	10%
12.00.09 – Уголовный процесс	11%	9%
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	10%	11%
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность	7%	9%
12.00.14 – Административное право; административный процесс	7%	5%
Все прочие специальности	16%	19%
	100%	100%

Прим.: Проценты в нижней части таблицы представлены только по самым частотным ответам (5% и более). Более редкие научные специализации, по которым респонденты защищали диссертации, здесь не представлены.

Степень кандидата наук имеют две трети опрошенных ученых (см. Табл. 2), и почти каждый пятый получил степень доктора наук; наличие западной степени PhD указали 2% респондентов. В подавляющем большинстве это были степени по юридическим специальностям. Больше половины кандидатских и докторских диссертаций были защищены в том же городе, где респонденты проживали, в другой регион выезжала треть для защиты кандидатской диссертации, и почти двое из пяти – для защиты докторской. Почти половина кандидатских диссертаций была защищена в советах учебных и научных заведений, которые не связаны с местом обучения соискателей и их обучения в аспирантуре. Для защиты докторских этот показатель выше – почти две трети докторов наук защищались в советах, не связанных с местом обучения в вузе или в аспирантуре.

Самыми популярными специализациями при защите научных работ (как докторских, так и кандидатских) оказались «12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» и «12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве».

Таблица 3. Типы занятости опрошенных

	<i>От числа всех ответивших</i>	<i>От числа не работающих в вузе или в науке, ведущих практическую работу</i>	<i>От числа работающих в вузе или в науке и ведущих практическую работу</i>
Преподаватель в вузе	76%	-	92%
Научный сотрудник	15%	-	23%
Представитель судебной системы	3%	7%	8%
Юрист в юридической фирме	4%	9%	11%

	От числа всех ответивших	От числа не работающих в вузе или в науке, ведущих практическую работу	От числа работающих в вузе или в науке и ведущих практическую работу
Юрисконсульт в государственной организации	5%	16%	9%
Юрисконсульт в частной организации	4%	13%	10%
Сотрудник правоохранительных органов	10%	20%	28%
Адвокат	5%	9%	13%
Частнопрактикующий юрист	9%	11%	31%
	100% (число респондентов равно 3531)	100% (число респондентов равно 529)	100% (число респондентов равно 876)

Прим.: В число работающих были включены все, кто указал какую-то деятельность, даже не оплачиваемую (муниципальный депутат, участие в общественных советах и прочее). В таблице не представлена небольшая доля неработающих ученых (порядка 7%) – это аспиранты (адъюнкты) и люди, ведущие научную работу, будучи на пенсии. Также не указаны другие виды деятельности, которые не так многочисленны.

Преподавание ожидаемо лидирует (три четверти ответивших на вопрос респондентов, см. Табл. 3) среди всех сфер профессиональной деятельности ученых-юристов. Исследованиями в научных организациях заняты 15%. При этом для более половины ответивших на вопрос ученых (54%) наука и преподавание являются единственными видами занятости. Совмещают науку и преподавание с юридической практикой 25% и занимаются исключительно юридической практикой 15% респондентов.

Из тех, кто не работает в вузе или в научной организации, почти каждый третий практикует право частным образом, а 28% являются сотрудниками правоохранительных органов.

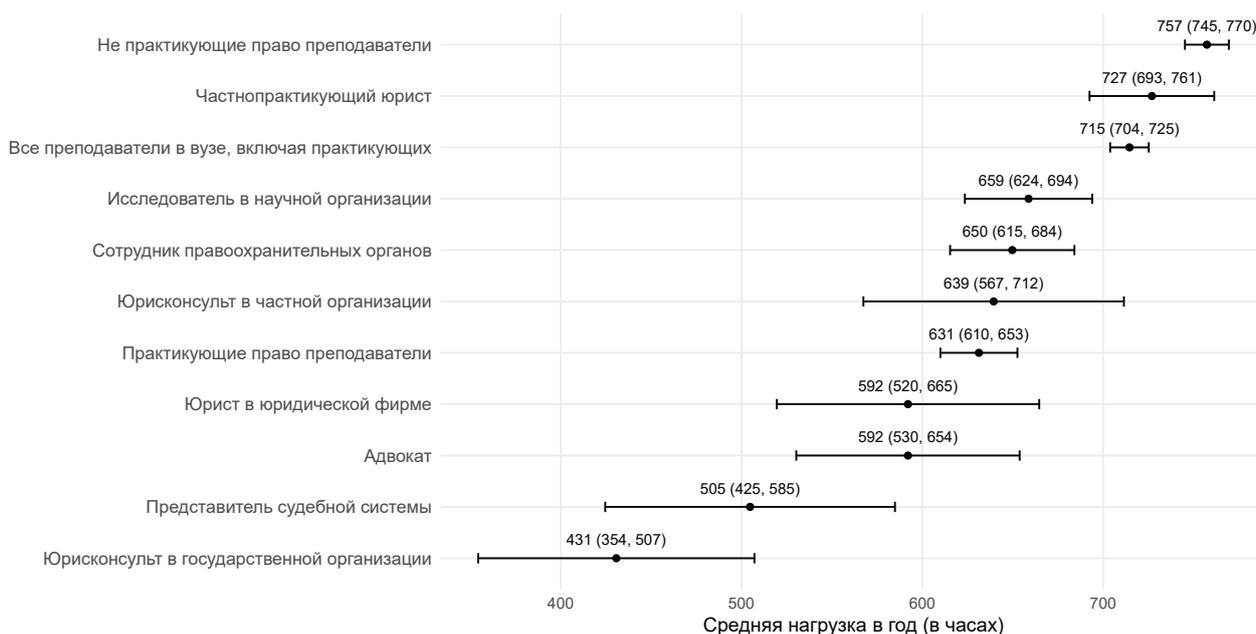
Юридические факультеты и вузы часто подчеркивают важность практики (доли практиков среди сотрудников) для своей научной и образовательной деятельности. Однако данные нашего опроса показывают, что для большинства ученых-юристов занятия наукой и преподаванием⁹ являются либо единственным источником доходов (42% респондентов), либо доминирующим источником (для еще 13% респондентов академические доходы составляют 81–99%). При этом преподавательская нагрузка респондентов довольно велика. Так, около 24% респондентов указали, что их общая аудиторная нагрузка в текущем году составляет более 900 часов, 16% – от 801 до 900 часов и 11% – от 701 до 800 часов. То есть больше половины опрошенных преподают не менее 700 часов в год, то есть примерно больше 10 пар в неделю.

Среди тех, кто совмещает науку или преподавание в вузе с практикой, почти каждый четвертый работает в правоохранительных органах. Скорее всего, это связано с тем, что преподаватели ведомственных вузов или работники ведомственных НИИ часто официально числятся действующими сотрудниками своих ведомств. Еще почти четверть преподавателей или научных работников ведет частную юридическую практику, что свидетельствует скорее о необходимости подработки: ее удобнее организовать в качестве частных лиц, без официального найма на позицию в той или иной организации или оформления адвокатского статуса.

⁹ Заработок от преподавания в вузе, зарплата научного сотрудника, исследовательские гранты и контракты, зарплата руководителя академического учреждения, стипендии.

Это предположение косвенно подтверждается распределением нагрузки (Рис. 1) и доли доходов от академической деятельности (Рис. 2). В целом, у всех преподавателей вуза, вне зависимости от того, заняты они еще и практической работой или нет, средняя годовая нагрузка более 700 часов в год. Однако те из них, кто занят исключительно преподаванием или наукой, имеют больше всего нагрузки – в среднем 760 часов в год. Среди всех преподавателей, практикующих право, столько нагрузки, сколько имеют коллеги без практической работы, имеют только те, кто занят частной практикой. Это как раз хорошо показывает, что частная практика – скорее подработка, чем полноценная занятость. Меньше всего часов в вузах у юристов, имеющих позиции в судебной системе и государственных организациях. Для них, очевидно, преподавание является не основной деятельностью.

Рисунок 1. Средняя аудиторная нагрузка преподавателей вузов при совмещении ими других типов занятости

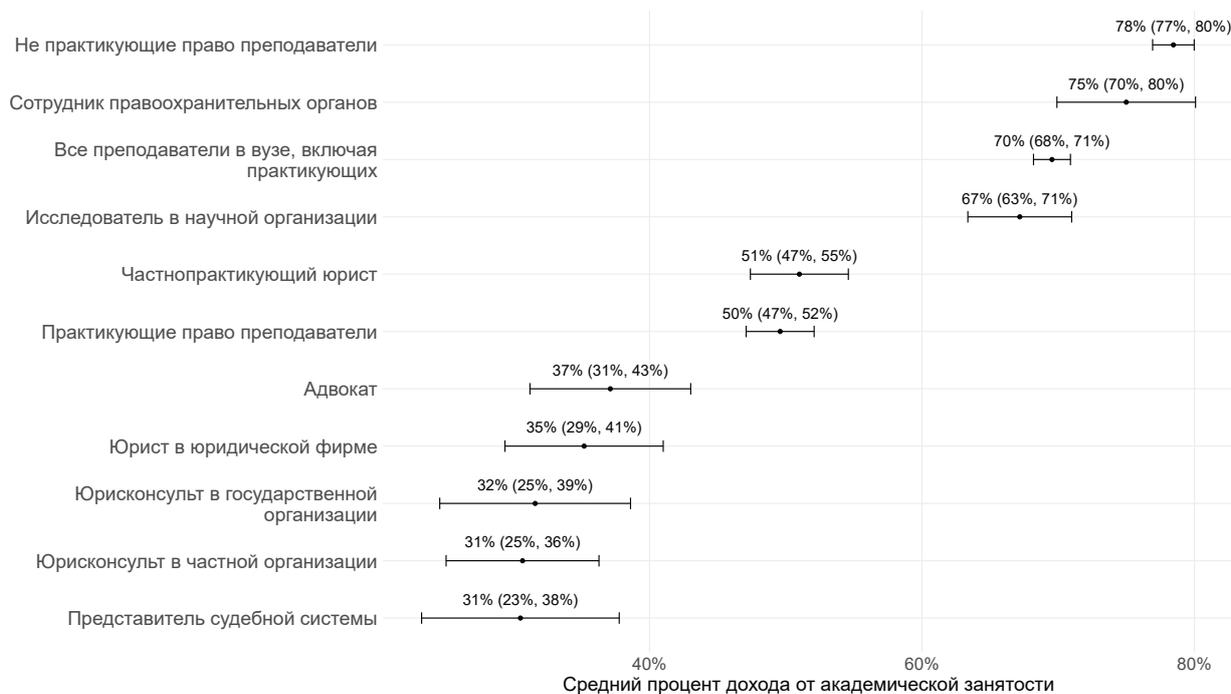

Прим.: Средняя нагрузка рассчитана из ответов на вопрос об общей аудиторной нагрузке, оцененной респондентом по интервальной шкале: 1) Менее 100 часов, 2) 101–200 часов, 3) 201–300 часов, 4) 301–400 часов, 5) 401–500 часов, 6) 501–600 часов, 7) 601–700 часов, 8) 701–800 часов, 9) 801–900 часов, 10) Более 900 часов. Эти ответы были перекодированы в числовую переменную по максимальному значению каждого интервала. Для последней подсказки мы назначили значение 1000 часов. Далее для каждой группы опрошенных по типу занятости были рассчитаны арифметическое среднее и доверительный интервал¹⁰ на уровне 95% (указаны в круглых скобках).

¹⁰ Опросные данные всегда имеют вероятностную природу: в выборку попадают не все возможные категории респондентов, и в реальности полученные ответы могут не совпадать с вероятным распределением этих же ответов в генеральной совокупности. Само по себе различие между значениями процентов недостаточно, чтобы доказать, что оно существенно. Как, например оценить различие в 5 процентных пунктов между 30% и 35% или 7% и 12%? Для этого используется процедура построения доверительного интервала, который учитывает 1) размер подвыборки (чем меньше опрошенных, тем шире доверительный интервал), 2) особенности распределения ответов – чем больше различий в ответах, тем шире будет доверительный интервал. Когда мы сравниваем мнения авторов с разной специализацией, мы учитываем, что эти группы не одинаковы численно, и консолидированность ответов внутри этих подгрупп. Поэтому для одних процентов доверительные интервалы уже, а для других – шире. Доверительный интервал рассчитывается для определенной вероятности, с которой мы можем предсказать, что реальное значение в генеральной совокупности лежит именно в пределах интервала. Все доверительные интервалы в данном исследовании рассчитаны для вероятности 95%. Важно, что делать выводы о статистической значимости наблюдаемых различий стоит только там, где различия видны с учетом доверительных интервалов, и необходимо понимать, что реальные значения для всего сообщества ученых-юристов не соответствуют тем, которые мы получили в опросе, а лежат в пределах доверительного интервала с вероятностью 95%.

Распределение ответов на вопрос о доле академических доходов в их общей структуре у опрошенных преподавателей вузов показало, что больше всего финансово от академических доходов зависят те преподаватели, которые заняты только преподаванием, работают исследователями в научной организации, и являются сотрудниками правоохранительных органов. Последнее означает, что скорее всего почти все они являются преподавателями ведомственных вузов с обязательным статусом сотрудника силовых структур.

Рисунок 2. Средняя доля академических доходов у преподавателей вузов при совмещении ими других типов занятости

Прим.: Средняя доля академических доходов была рассчитана на основании интервальной шкалы в ответах на вопрос о доле академических доходов (зарботки преподавания, гонорары за публикации и прочее), где 1) Академические доходы равны 0% , 2) 1–10% , 3) 11–20% , 4) 21–30% , 5) 31–40% , 6) 41–50% , 7) 51–60% , 8) 61–70% , 9) 71–80% , 10) 81–90% , 11) 91–99% , 12) Академические доходы 100% . Эта шкала была перекодирована от нуля до 100 по срединным значениям в интервалах – 0, 5, 15, 25, 35, 45, 55, 65, 75, 85, 94, 100. Далее для каждой группы по типу занятости были рассчитаны арифметическое среднее и доверительный интервал на уровне 95% (указан в круглых скобках).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: СОЗДАНИЕ РЕПУТАЦИОННОГО РЕЙТИНГА ИЗ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ

Каждому респонденту предлагалось назвать пять ныне здравствующих юристов, внесших наибольший вклад в юриспруденцию в целом или в отрасль права респондента или и в то, и в другое. Так как вопросы об общем репутационном рейтинге и о рейтинге по специализации юристов задавались не всем респондентам, общий рейтинг юристов выстроен в соответствии с ответами 63,8% заполненных (хотя бы частично) анкет (см. эти и другие параметры ответов ниже в Табл. 10 в Приложении). В среднем респонденты назвали чуть больше 4 фамилий, но все же большинство опрошенных воспользовалось возможностью назвать 5 фамилий (61,8% в общем рейтинге и 62,4% среди тех, кто отвечал на вопрос о юристах в своих отраслях права).

Несмотря на то что мы просили указывать фамилию, имя и отчество, многие ответы не соответствовали этому принципу:

- иногда указанный в инструкции к вопросу порядок был не соблюден или случались опечатки в имени или фамилии;
- указывались только фамилия или фамилия с именем без отчества;
- или, напротив, ответ был максимально детальный и указывались все регалии юриста.

Мы предприняли отдельные усилия и вручную прокодировали все ответы, которые не прошли формальную автоматическую проверку, получили в итоге полный список названных юристов и соотнесли ответы со списком потенциальных респондентов и данными РИНЦ. В результате мы получили высокий результат совпадения: 82% обоих рейтингов составлены из персоналий, которые были включены в нашу выборку потенциальных респондентов. Детали представлены в Табл. 10 в Приложении.

Нам также удалось сличить с профилями РИНЦ еще 185 юристов из общего списка и 217 – из списка рейтинга по отраслям права, что составляет более двух пятых долей от тех, кто не вошел в наш список. Нужно отметить, что сюда попали как те юристы, которые не пишут статей в последние годы (и поэтому они не были включены в выборку потенциальных респондентов), так и некоторые авторы из РИНЦ, которые имеют несколько юридических публикаций, но в реальности заняты в органах государственной власти (включая первых лиц страны, руководство СК, МВД и проч.) или осуществляют руководство в вузах и непрофильных научных институтах (например, ректоры).

Часть тех юристов из репутационного рейтинга, кого не удалось сличить, не имеют профиля в РИНЦ (так, например, было названо много известных адвокатов, которые не имеют академической представленности в РИНЦ) или на момент исследования он не содержал информации о публикациях. Те, кто не имеют академической представленности (публикаций) далее не рассматриваются.

В этом разделе нельзя обойти вниманием и проблему «самоголосования». РИНЦ и его показатели в нем давно стали отчетными для преподавателей вузов и сотрудников научных институтов. Поскольку приглашение принять участие в опросе для составления репутационного рейтинга также было разослано от имени РИНЦ, некоторые опрошенные, возможно, восприняли его как способ повышения своих показателей и здесь. Как бы то ни было, 6,1% отвечающих на вопрос о наиболее значимых юристах, внесших вклад в развитие юридической науки, назвали среди прочих самих себя. Также поступили 7,4% респондентов, которым выпало отвечать на вопрос о рейтинге юристов в отрасли права.

Большинство указали самих себя по одному разу, но были и те, кто решили поднять показатель собственными усилиями еще выше:

- четверо назвали себя пять раз подряд как наиболее значимых юристов в целом, и трое – как ведущих юристов в своей отрасли. Не удивительно, что этих авторов больше никто не назвал, за одним исключением;
- нашлись также один респондент, который назвал себя дважды в обоих рейтингах, и один – указавший себя три раза как ведущего специалиста в отрасли.

Конечно, подобное «неспортивное поведение» не свойственно тем, кто попал в лидеры рейтингов (из числа топ-30, о котором речь пойдет дальше). В большинстве случаев самоголосование использовалось теми, кто оказался в хвосте и иначе совсем пропадает из расширенного рейтинга (т.е. списка тех, кто набрал 1 и более голос). Так, три четверти проголосовавших за самих себя (76,8%) теряют место в таком расширенном рейтинге, если мы удалим самоголосование, и трое из пяти самоголосовавших (62,9%) в расширенных рейтингах по отраслям права также получили там место исключительно благодаря голосованию за себя.

ОБЩИЙ РЕПУТАЦИОННЫЙ РЕЙТИНГ УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ

В анкете мы спрашивали респондентов о ключевых фигурах, внесших вклад в развитие правовой науки в целом. Вопрос звучал следующим образом: «По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских правоведов за последние 10 лет внес наибольший вклад в развитие российской юридической науки?»¹¹ Можно было назвать до пяти имен. По результатам мы сформировали общий репутационный рейтинг российских ученых-юристов (см. Табл. 4) из 30 наиболее часто называвшихся персоналий с долей проголосовавших за них респондентов и с их аффилиацией¹².

Таблица 4. Общий репутационный рейтинг ученых-юристов (топ-30)

<i>Место</i>	<i>ФИО</i>	<i>Аффилиация</i>	<i>% от ответивших респондентов</i>
1	Суханов Евгений Алексеевич	МГУ	11,2
2	Авакьян Сурен Адиебекович	МГУ	6,95
3	Лопашенко Наталья Александровна	СГЮА	5,41
4	Хабриева Талия Ярулловна	ИСЗП	5,26
5	Тихомиров Юрий Александрович	ИСЗП	5,19
6	Рарог Алексей Иванович	МГЮА	4,85
7	Малько Александр Васильевич	ВГУЮ	4,81
8	Зорькин Валерий Дмитриевич	КС РФ	4,4
9	Карапетов Артем Георгиевич	М-Логос	4,36
10	Витрянский Василий Владимирович	МГУ	4,25
11	Наумов Анатолий Валентинович	Университет Прокуратуры	4,1
12	Старилов Юрий Николаевич	ВГУ	3,91
13	Бевзенко Роман Сергеевич	НИУ ВШЭ	3,76
14	Россинская Елена Рафаиловна	МГЮА	3,68
15–16	Антонян Юрий Миранович	МГОУ	3,57
15–16	Яни Павел Сергеевич	МГУ	3,57

¹¹ В ответах на этот вопрос и вопрос о ключевых фигурах в отдельных отраслях респонденты часто называли в том числе и умерших ученых. Кроме того, возможна ситуация, когда попавший в рейтинг ученый умер в период момента опроса и до момента публикации отчета. Во всех этих случаях мы не вносили исправления и никого не исключали, отражая представления респондентов так, как они их выразили в анкетном опросе.

¹² Аффилиация в таблице приводится та, что указана в качестве первой в профиле автора на портале Elibrary. Она может не совпадать с текущей, если были недавние изменения, которые еще не нашли отражения в профиле.

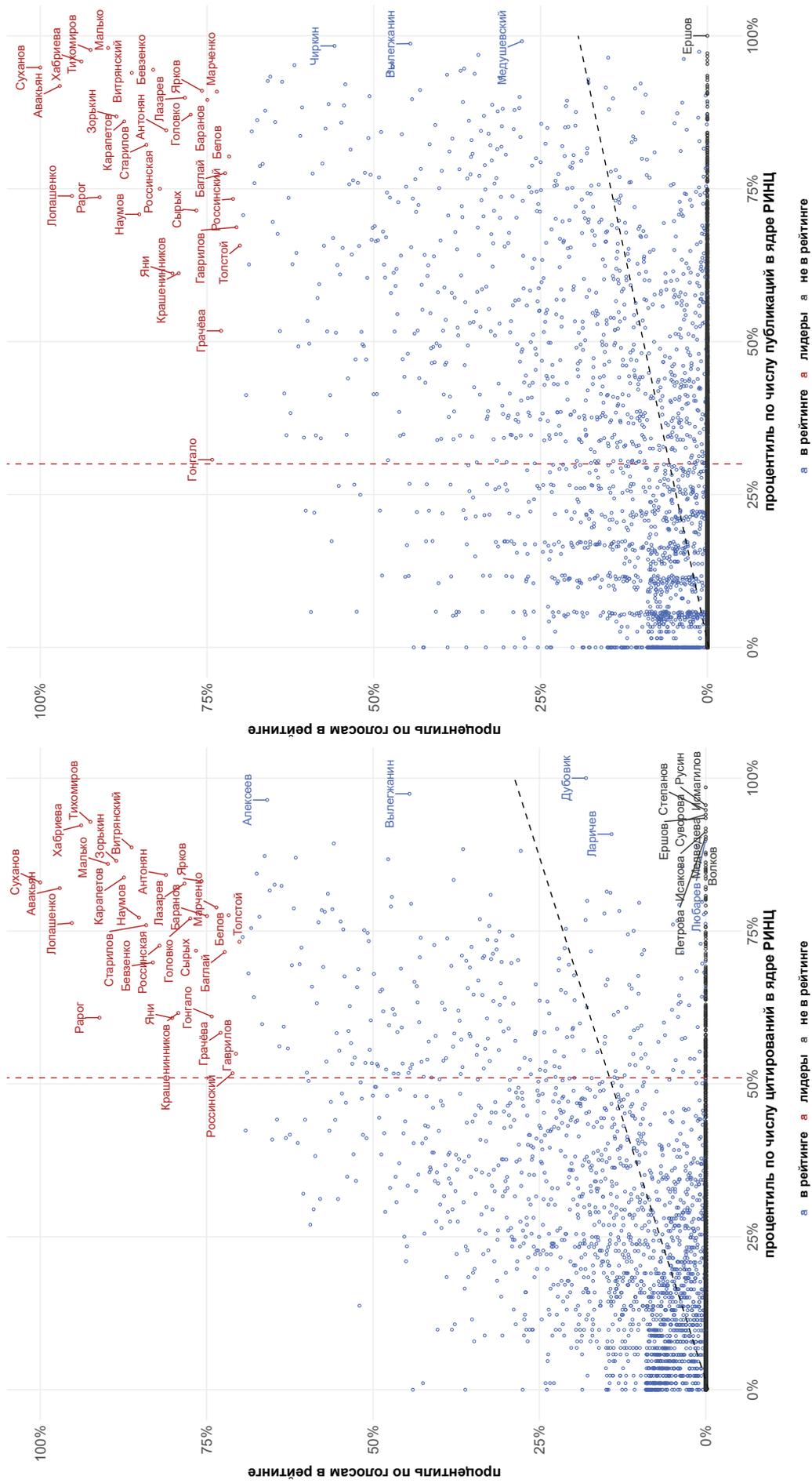
17	Крашенинников Павел Владимирович	Госдума РФ	3,53
18	Лазарев Валерий Васильевич	ИСЗП	3,35
19	Головко Леонид Витальевич	МГУ	3,27
20	Сырых Владимир Михайлович	РГУП	3,12
21	Ярков Владимир Владимирович	УрГЮА	3,08
22	Баранов Владимир Михайлович	Академия МВД (Н. Новгород)	2,78
23	Гонгало Бронислав Мичиславович	УрГЮА	2,67
24	Марченко Михаил Николаевич	МГУ	2,41
25	Грачёва Елена Юрьевна	МГЮА	2,37
26–27	Баглай Марат Викторович	МГИМО	2,26
26–27	Белов Вадим Анатольевич	МГУ	2,26
28–29	Гаврилов Борис Яковлевич	Академия управления МВД	1,95
28–29	Россинский Борис Вульфович	МГЮА	1,95
30	Толстой Юрий Кириллович	СПбГУ	1,92

Получившийся список ключевых для науки фигур довольно эклектичен. В нем представлены ученые из разных отраслей права: гражданское право, конституционное право, уголовное право, уголовный процесс, гражданский и арбитражный процесс. Казалось бы, в рейтинге должны доминировать теоретики или философы права, которые могли бы стать консенсусными фигурами для представителей разных отраслей права. Действительно, что может объединять конституционалиста, цивилиста и процессуалиста, если не правовая теория? Однако в списке можно обнаружить относительно немного теоретиков. Это говорит нам предположительно о том, что респонденты на вопрос об общезначимых фигурах называли преимущественно представителей своих отраслей. Также это может свидетельствовать о небольшом количестве общепризнанных и влиятельных теоретиков в российской юридической науке.

Другая бросающаяся в глаза особенность рейтинга – его сильная «москвоцентричность». Так, если смотреть на институциональную принадлежность ученых в рейтинге, столичные вузы и исследовательские центры заметно доминируют. Региональные научные и образовательные институты представлены всего шестью именами – по одному ученому из Воронежа, Саратова, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга, а также двумя из Екатеринбурга. С одной стороны, эта тенденция может быть понята как часть общего вектора академической мобильности в стране. Очевидно, что уровень доходов в столице делает московские вузы и научные центры более конкурентоспособными в борьбе за научные кадры. С другой стороны, это может говорить и о некотором упадке научных школ, которыми в свое время славились вузы из упомянутых выше и других региональных центров.

Если смотреть на формальные показатели успешности ученого, то самым надежным оказывается число публикаций и цитирований даже не по РИНЦ в целом, а по ядру РИНЦ (журналы, индексируемые в Web of Science, Scopus и RSCI). В разделе ниже подробно рассматривается соотношение этих наукометрических показателей с репутационным рейтингом.

Рисунок 3. Связь репутационного рейтинга и числа публикаций и цитирований в ядре РИНЦ

Прим.: Красным цветом и подписями выделены лидеры репутационного рейтинга (топ 30). Красной линией показано отсечение группы лидеров по оси X. Синим цветом выделены все остальные юристы, попавшие в репутационный рейтинг. Внизу по оси X показаны черными точками авторы из потенциального списка, не получившие ни одного голоса в репутационном рейтинге. Подписи даны для авторов, имеющих самые высокие показатели по числу цитирования (более 1000) или числу публикаций (более 150) в ядре РИНЦ. Черная линия штрихом показывает силу линейной зависимости между показателями. Коэффициент ранговой корреляции Кендалла для обоих показателей равен 0,34.

СВЯЗЬ ФОРМАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ, ЦИТИРОВАНИЙ И МЕСТА В РЕПУТАЦИОННОМ РЕЙТИНГЕ

Далее в этой части мы будем опираться на данные общего репутационного рейтинга, очищенного от самоголосования. Для лидеров рейтинга, если такое и было в единичных случаях, оно не сказалось существенно. Удаление голосов за себя здесь позволяет очистить рейтинг так, чтобы он был в полной мере репутационным. В расчет также не принимались юристы, которых либо нет в РИНЦ, либо они не были отобраны в изначальный список публикующихся юристов.

Исследование показывает, что число публикаций, даже попавших в ядро РИНЦ, не так сильно связано с репутационной популярностью юриста. Так, всего 6 юристов имеют 150 и более статей в ядре РИНЦ и только трое попали в топ-30 репутационного рейтинга (см. Рис. 3). При этом значительная часть лидеров имеет не так много публикаций в ядре РИНЦ – менее 50.

Распределение по процентилям, рассчитанным от числа голосов и от числа публикаций или цитирования в ядре РИНЦ, показывает наличие положительной, но слабой связи между этими двумя показателями.

Однако такая размытость связи объясняется во многом большим количеством наблюдений в левом нижнем углу графика – там, где сосредоточены те, кого не очень часто упоминают (или не упоминают вовсе) и кто одновременно имеет не очень высокие показатели публикационной активности и цитируемости. Если мы посмотрим на более общую картину, то увидим две очень важные вещи. Почти все, кто оказывается лидером репутационного рейтинга, находятся в правой верхней части графиков. То есть они одновременно признаются лидерами при опросе, довольно много пишут и их работы хорошо цитируются. Одновременно левая верхняя часть графиков практически пуста. Это означает, что ситуация, когда человек почти ничего не пишет, но при этом считается в сообществе значимым авторитетом практически не встречается. Обращает на себя внимание правая нижняя часть графика – люди, которые много пишут и хорошо цитируются, но которые при этом не пользуются авторитетом в сообществе.

РЕПУТАЦИОННЫЕ РЕЙТИНГИ УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА

Основное предположение, заложенное в дизайн исследования, состояло в том, что для юридической науки характерен высокий уровень специализации. Мы составили также и отраслевые репутационные рейтинги на основании отдельного вопроса анкеты: «По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских правоведов за последние 10 лет внес наибольший вклад в развитие Вашей отрасли права?» Как и в случае с общим рейтингом, у респондентов была возможность указать до 5 имен. Отраслевые рейтинги составлялись с учетом ответов на этот вопрос, а также ответов респондентов на вопрос об отрасли права, с которой преимущественно связана их научная деятельность. В пятерку (см. Рис. 4) наиболее часто выбиравшихся отраслей входят: уголовное право (24%), гражданское право (22%), теория и история государства и права (21%), уголовный процесс (18%) и конституционное право (16%).

Поскольку один респондент мог назвать несколько своих отраслевых специализаций мы можем понять, какие самые популярные бинарные сочетания у русскоязычной юридической академии (Рис. 4). Ожидаемыми оказывается одновременная специализация

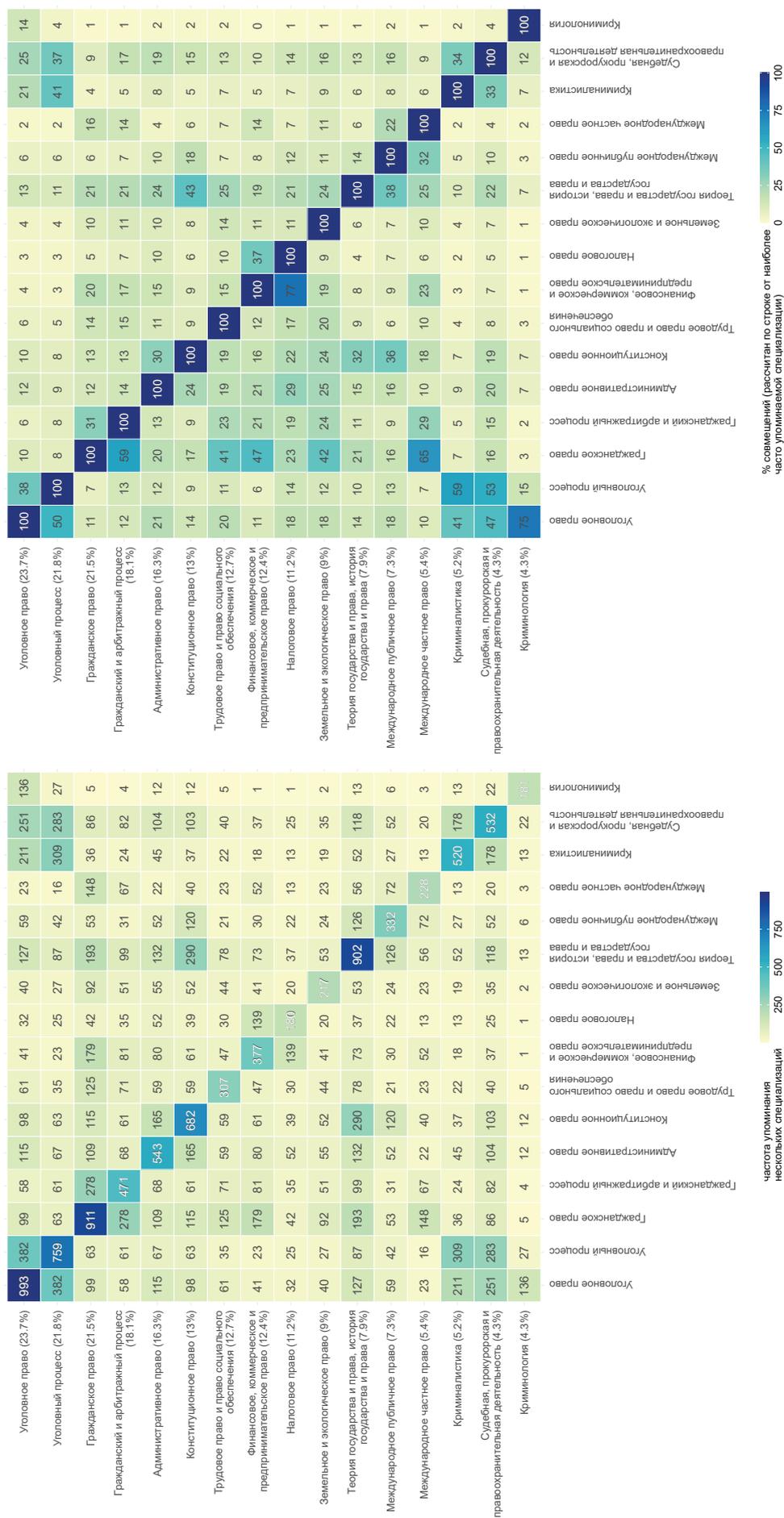
- на уголовном и уголовно-процессуальном праве (9% от всех опрошенных);
- на гражданском праве и гражданском/арбитражном процессе (7%).

Также респонденты указывают совместными специализациями уголовное/уголовно-процессуальное право и криминалистику (5–7%) или судебную, прокурорскую и правоохранительную деятельность (6–7%).

Двойная специализация на теории государства и права и конституционном праве характеризует 7% опрошенных, а 5% совмещают ТГП с гражданским правом.

По 4% опрошенных совмещают специализацию на административном праве с конституционным, и на гражданском праве и финансовом, коммерческом и предпринимательском праве.

Рисунок 4. Основные отрасли права и их совмещение в специализации юристов (рассчитано по всем участникам опроса, включая авторов из постсоветского зарубежья)

Прим. После подписей по оси Y в скобках даны доли респондентов, специализирующихся в указанной отрасли права. Значения внутри левого графика означают число респондентов, совмещающих две отрасли права. Значения внутри правого графика означают рассчитанные по строке проценты, совмещающих указанные отрасли в рамках специализации. Эти графики следует читать следующим образом: например, двойную специализацию на уголовное право и уголовное право и 50% от всех, кто специализируется на уголовном процессе, 38% от всех, кто специализируется на уголовном процессе.

Среди всех, кто указал специализацию по каждой из популярных отраслей, мы получили несколько отраслевых рейтингов юристов, внесших вклад в эти правовые дисциплины. В Табл. 5 представлены списки топ-20 для трех крупных и ярко выраженных отраслей, по которым чаще всего выстраивается специализация юристов еще на стадии обучения в вузе.

**Таблица 5. Отраслевые репутационные рейтинги ученых-юристов
(места и количество процентов от ответивших)**

<i>Гражданское право</i>	<i>Уголовное право</i>	<i>Конституционное право</i>
1. Суханов Е.А. (33%)	1. Лопашенко Н.А. (25%)	1. Авакьян С.А. (38%)
2. Витрянский В.В. (18%)	2. Рарог А.И. (21%)	2. Хабриева Т.Я. (13%)
3. Карпетов А.Г. (15%)	3. Наумов А.В. (19%)	3. Зорькин В.Д. (9%)
4. Бевзенко Р.С. (12%)	4. Яни П.С. (17%)	4. Эбзеев Б.С. (8%)
5. Гонгало Б.М. (11%)	5. Пудовочкин Ю.Е. (9%)	5. Бондарь Н.С. (7%)
6. Белов В.А. (8%)	6. Антонян Ю.М. (8%)	6. Баглай М.В. (5,6%)
7. Крашенинников П.В. (6,8%)	7. Чучаев А.И. (6%)	7. Тихомиров Ю.А. (4,7%)
8. Сергеев А.П. (6,6%)	8. Гилинский Я. И. (5,3%)	8. Чиркин В.Е. (4,4%)
9. Егоров А.В. (5%)	9. Селиверстов В.И. (5%)	9. Кокотов А.Н. (4,2%)
10. Новоселова Л.А. (4,9%)	10. Козаченко И.Я. (4,8%)	10. Стариков Ю.Н. (4%)
11. Янков В.В. (4,7%)	11–12. Иногамова-Хегай Л.В. (4,3%)	11–13. Гаджиев Г.А. (3,8%)
12. Сарбаш С.В. (4,4%)	11–12. Коробеев А.И. (4,3%)	11–13. Малько А.В. (3,8%)
13. Толстой Ю.К. (4,2%)	13–14. Бриллиантов А.В. (3,4%)	11–13. Саликов М.С. (3,8%)
14. Попондопуло В.Ф. (3,1%)	13–14. Головки Л.В. (3,4%)	14. Шугрина Е.С. (3,6%)
15. Ершова И.В. (2,8%)	15. Бабаев М.М. (3,3%)	15-16. Кутафин О.Е. (3,1%)
16–20. Шиткина И.С. (2,3%)	16–19. Кибальник А.Г. (2,9%)	15–16. Умнова-Конюхова И.А. (3,1%)
16–20. Губин Е.П. (2,3%)	16–19. Уткин В.А. (2,9%)	17–20. Нарутто С.В. (2,9%)
16–20. Близнец И.А. (2,3%)	16–19. Кабанов П.А. (2,9%)	17–20. Кравец И.А. (2,9%)
16–20. Рожкова М. А. (2,3%)	16–19. Пикуров Н.И. (2,9%)	17–20. Марченко М.Н. (2,9%)
16–20. Дождев Д.В. (2,3%)	20–21. Долгова А.И. (2,8%)	17–20. Лазарев В.В. (2,9%)
	20–21. Есаков Г.А. (2,8%)	

На верхних строчках в отраслевых списках мы находим персоналии из общего рейтинга. В целом это подтверждает наше предположение, что респонденты, отвечая на вопрос о значимых для права в целом ученых, называли представителей своих отраслей. А вот ниже уже располагаются специфичные для конкретной отрасли фигуры. В то же время нужно иметь в виду, что

в списке могут встречаться персоналии, чьи научные интересы не вполне вписываются в отрасль. Это связано с неизбежными ограничениями построения отраслевых рейтингов. Дело в том, что респонденты, как отмечалось выше, были вольны заявлять несколько отраслей права в качестве своей специализации. Доля таких респондентов составила 55%. Поэтому, например, при выборе респондентом в качестве своей специализации одновременно криминологии и уголовного права и голосовании за Я.И. Гилинского, фамилия последнего подсчитывалась и для уголовного права и для криминологии. Однако данное ограничение не носит, на наш взгляд, фатальный характер. Большая часть фамилий в рейтингах в целом отражает отраслевую принадлежность называвшихся имен ученых.

Важно отметить, что если переходить от этих трех крупных специализаций к более узким, то на первые места выходят другие имена. Так, например, респонденты, определившие свою специализацию как уголовный процесс, на первое место в этой отрасли поставили Л.В. Головки, гражданский и арбитражный процесс – В.В. Яркова, трудовое право и право соцобеспечения – Н.Л. Лютова, земельное право – С.А. Боголюбова, международное публичное право – А.Я. Капустина, криминалистика и судебная экспертиза – Е.Р. Россинскую, информационное право – Т.А. Полякову, уголовно-исполнительное право – В.И. Селиверстова, ОРД – А.Е. Чечетина, семейное право – О.Ю. Ильину и т.д. Все это говорит в пользу тезиса о сильной сегментации внутри академического сообщества юристов по принципу специализации. В итоге каждый сегмент сообщества имеет свои авторитетные фигуры и свою шкалу репутаций.

СЛАБАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ЗАРУБЕЖНУЮ АКАДЕМИЮ, МЕТОДИЧЕСКАЯ И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТКРЫТОСТЬ ЮРИСТОВ

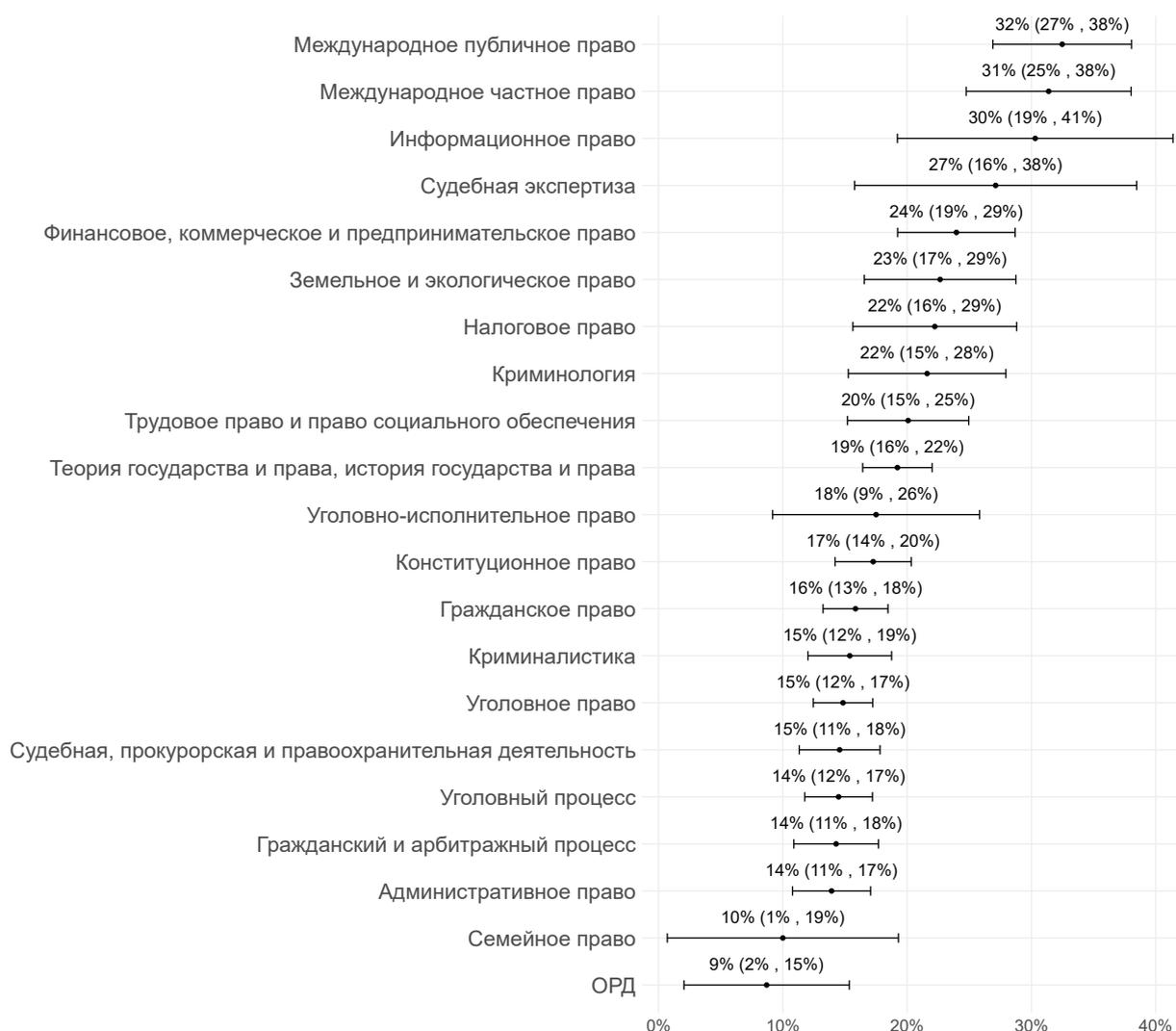
Мы задавали нашим респондентам вопросы об академической мобильности, использовании различных методов в своей исследовательской работе, чтении на иностранных языках и т.д. Результаты опроса в этой части помогают понять, в каком состоянии находится юридическая наука в России на данный момент.

В первом приближении можно сказать, что это состояние (далее мы будем вести речь только о респондентах, работающих в России) характеризуется автономностью по отношению к зарубежной академии. С одной стороны, данные опроса показывают, что сообщество российских ученых-юристов в подавляющем большинстве посещает научные мероприятия внутри страны – только 5% ответили, что не участвовали в конференциях за последние пять лет¹³. Ученые-юристы посещают преимущественно (85%) конференции в своем городе. Две трети респондентов (66%) имели опыт участия в научных конференциях в другом регионе России за последние пять лет. Однако участие в зарубежных конференциях за тот же период указал лишь только каждый шестой респондент (17%).

Уровень международной академической мобильности различается в зависимости от специализации респондентов, отвечавших на этот вопрос (Рис. 5). Сильно выбиваются из общего ряда те юристы, которые специализируются на международном публичном и частном праве: они участвуют в зарубежных конференциях статистически значительно чаще других: 32% и 31% соответственно.

¹³ Мы задали в этом вопросе широкий временной диапазон в 5 лет до времени проведения опроса, имея в виду, что с 2020 года в связи с ограничениями во время пандемии поездки на конференции стали реже.

Рисунок 5. Опыт участия в зарубежных конференциях за последние 5 лет

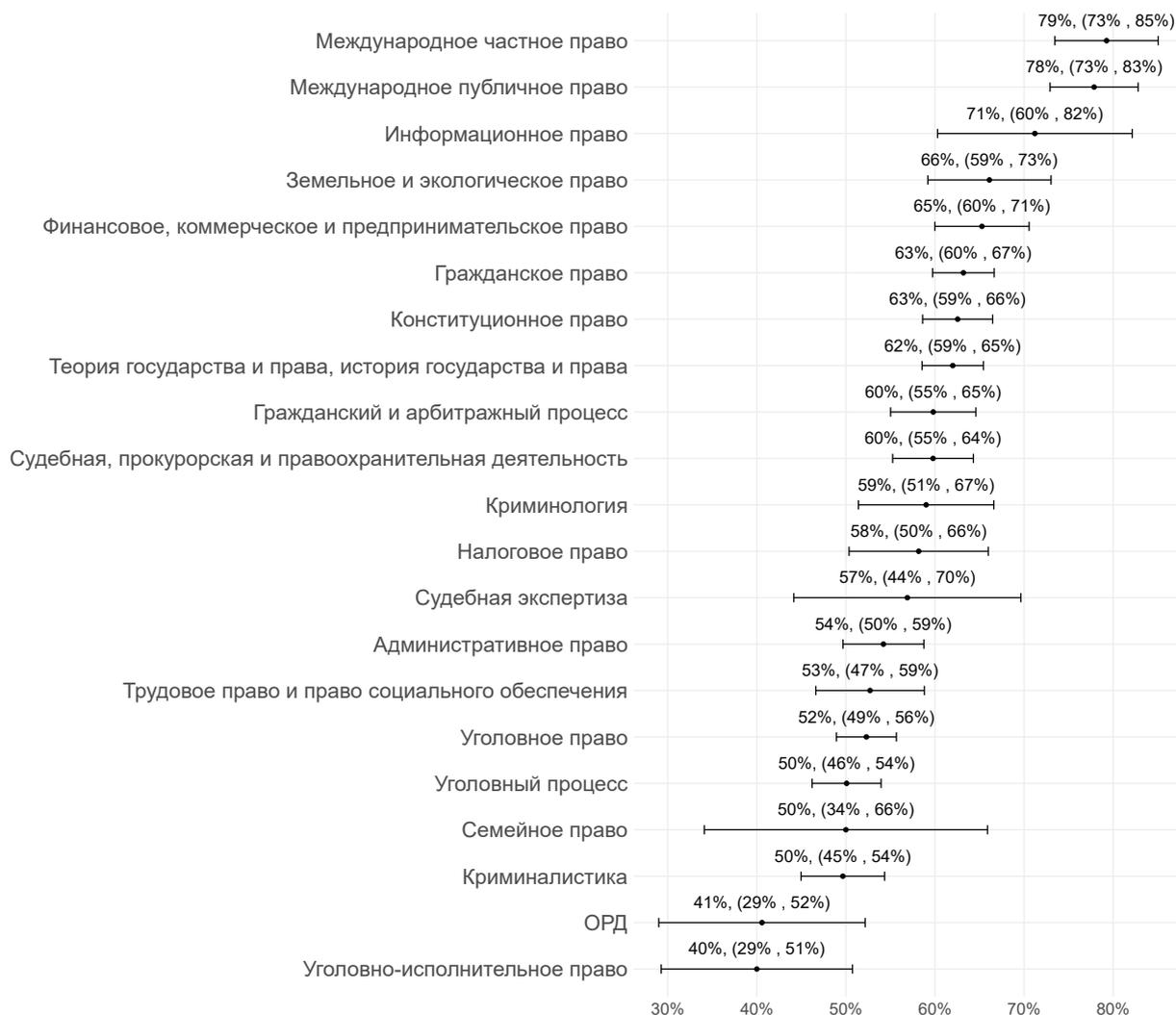

Прим.: Указаны доли от опрошенных по каждому типу специализации; в скобках указан доверительный интервал на уровне 95%.

С иностранными текстами, судя по ответам респондентов, работает довольно большая их часть. Профессиональную литературу на английском языке читают 55% опрошенных ученых-юристов. Здесь также большую роль играет специализация. Выбиваются из общего ряда специалисты по международному публичному и частному праву, среди которых эта доля значительно выше — около 80% читают англоязычные академические тексты (см. Рис. 6). Если говорить о литературе на других языках, то она используется как источник академических сведений значительно меньшим числом опрошенных. Так, чтение на немецком языке указало около 11% и на французском — около 7% от общего числа респондентов, проживающих в России.

Распространено мнение о сугубо доктринальном характере российской юриспруденции и пренебрежении эмпирическими методами. Наш опрос это не подтверждает. Хотя в ответах на вопрос об используемых методах ожидаемо доминируют традиционные для юриспруденции инструменты: формально-юридический метод, анализ общедоступной статистики и сравнительный метод; самостоятельный сбор статистических данных как часть своей научной работы за последние 5 лет отметила почти половина респондентов, двое из пяти имеют опыт проведения анкетных опросов, четверть используют метод интервью.

Рисунок 6. Чтение англоязычной научной литературы

Прим.: Указаны проценты от опрошенных по каждому типу специализации; в скобках указан доверительный интервал на уровне 95%.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам за последние 5 лет в Вашей научной работе использовать следующие методы?»

	Число ответивших	%
Сравнительный метод	3150	91
Формально-юридический метод	2804	81
Анализ общедоступной статистики	2781	80
Самостоятельный сбор статистики	1683	49
Анкетный опрос	1396	40
Интервью	847	24

Прим.: Частотное распределение по вопросу с возможностью выбора нескольких вариантов ответа, сумма процентов выше 100.

Это особенно важно с учетом того факта, что в подавляющем большинстве случаев юридические факультеты ни на уровне бакалавриата, ни на уровне магистратуры и аспирантуры (ступени если не обязательные, то частые в карьере будущего ученого юриста) не учат работать с эмпирическими методами, что, как оказывается, является широко распространенной практикой среди ученых.

В опросе нас также интересовало, какие дисциплины видятся нашим респондентам наиболее полезными для будущего юриста. Двое из пяти считают важными знание психологии и истории, треть – экономики, четверть – философии.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «С Вашей точки зрения, знание какой дисциплины, помимо самой юриспруденции, важнее всего для будущего юриста?»

	Число ответивших	%
Психология	1554	44
История	1533	43
Экономика	1280	36
Философия	906	25
Социология	695	20
Политология	566	16

Прим.: Частотное распределение по вопросу с возможностью выбора нескольких вариантов ответа, сумма процентов выше 100.

МНЕНИЯ ПО ДИСКУССИОННЫМ ВОПРОСАМ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В ходе анкетирования респондентам также задавались вопросы об их отношении к текущим дискуссиям о состоянии и перспективах юридической профессии, науки и образования в стране. Полученные в результате данные подтверждают высказанный выше тезис об определенной закрытости российской юридической науки по отношению к международной академии. Так, большинство респондентов высказалось в пользу приоритета русскоязычных публикаций при оценке научных достижений (90% полностью или скорее согласны), а также большинство не поддерживает мнения о том, что уровень зарубежных журналов в среднем выше (69% полностью или скорее не согласны). В целом для юридического научного сообщества характерна сильная прогосударственная позиция. Так, например, высокий консенсус ученые-юристы продемонстрировали в вопросе о необходимости увязки научных исследований с интересами страны и государства – 86% полностью или скорее согласны с данным утверждением. Также довольно велика доля тех, кто ностальгирует по советской науке. С выводом о том, что многие успехи советской юриспруденции были незаслуженно забыты, полностью либо скорее согласны 63% респондентов.

Довольно много дискуссий в последнее время о заочном и ведомственном юридическом образовании. По вопросу о таких форматах юридического образования респонденты продемон-

Таблица 8. Распределение ответов на дискуссионные вопросы в сфере юридической профессии, науки и образования

	Полностью согласны,%	Скорее согласны, чем не согласны,%	Скорее не согласны, чем согласны,%	Полностью не согласны,%	Затрудняюсь ответить,%
В области юриспруденции приоритет при оценке научных исследовательских достижений должен быть отдан публикациям на русском языке	62	28	6	3	1
Средний уровень статей в ведущих зарубежных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него	8	15	41	28	8
Проводя исследования, юристы должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства	66	20	6	5	3
Юридическое образование должно передавать студентам скорее умение ориентироваться в практике, нежели теоретическое знание	11	28	39	19	3
Законодатель в России часто не учитывает достижения юридической науки	36	45	13	2	4
Хороший ученый-правовед должен иметь опыт юридической практики	46	37	13	2	2
Многие достижения советской юридической науки были незаслуженно забыты в последующие годы	29	34	25	7	5
В такой дисциплине, как юриспруденция, формальные наукометрические показатели не могут отразить действительные заслуги ученого	39	40	13	3	5
Качественное юридическое образование и наука не могут существовать в ведомственных вузах	8	16	31	39	6
Полноценное юридическое образование невозможно в заочной форме	32	31	23	12	2
Только оконченная магистратура по юриспруденции без диплома бакалавра-юриста недостаточна для работы юристом	50	23	15	8	4
Юридические факультеты должны готовить универсального юриста, а не узкопрофильного специалиста	44	34	13	5	4
Судебными представителями должны работать только члены единой профессиональной ассоциации, сдавшие квалификационный экзамен и следующие этическому кодексу	31	27	19	18	5

стрировали разное отношение. Так, большинство респондентов полностью или скорее согласно с мнением о том, что полноценное юридическое образование в заочной форме невозможно – 64%. Напомним, что эмпирически по состоянию на 2012 год образование в заочной или вечерней форме получали 72% выпускников. Однако подобный тезис в отношении ведомственного юробразования, реализуемого под патронажем правоохранительных органов, поддерживает уже значительно меньшее количество опрошенных – 25%.

Другая давняя дискуссия связана с ролью практики в обучении юриста. Респондентам задавался ряд вопросов на эту тему. С утверждением о том, что в вузе студентов следует учить скорее ориентации в практике, нежели теории, согласны только 39% респондентов. В целом большинство опрошенных считает, что вузам следует готовить универсальных юристов, а не узких специалистов – 78%. Все эти данные говорят о поддержке академическим сообществом юристов теоретически фундированного юридического образования. При этом интересно, что оценка значения практики существенно меняется, если переходить от образования к научной деятельности. Так, необходимость практического опыта для хорошего ученого-юриста признается большинством опрошенных респондентов – 83%.

МНЕНИЯ ПО ДИСКУССИОННЫМ ВОПРОСАМ УСТРОЙСТВА И РАБОТЫ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Как показало исследование, среди ученых-юристов есть консенсус, что законодатель не учитывает достижения юридической науки – с этим полностью или скорее согласны 81% респондентов. В этом смысле, представляет интерес, что собственно думают сами ученые о недавних законодательных новеллах и инициативах, устройстве и функционировании национальной правовой системы, ее соотношении с другими правовыми порядками и международным правом. Поэтому в рамках опросной части исследования мы задали респондентам блок экспертных вопросов по данным темам в форме суждений, с которыми респонденты могли согласиться или не согласиться.

Юридическая академия в России буквально делится надвое в своих оценках по части вопросов (см. Табл. 9): так, на согласных и не согласных распределились опрошенные по вопросу возвращения в действие смертной казни и принятия либеральной демократии как оптимального пути для нашей страны¹⁴. Более сильный уклон показали ответы на вопрос приоритета российского законодательства над международным – здесь так или иначе согласными оказались трое из пяти, давших ответы. Примерно столько же и выразили несогласие с тем, что все правовые системы равны.

И еще большее единство продемонстрировали ученые-юристы по вопросу применимости суда присяжных в России, обязательности введения религиозного образования в школах, допустимости слежки государством за онлайн-общением граждан (несогласие выразили порядка трех четвертей опрошенных).

Мы обнаружили, что распределения по пяти из восьми вопросам¹⁵ положительно коррелируют друг с другом.

¹⁴ Последнее верно, если не учитывать затруднившихся ответить, но здесь не смог дать ответ почти каждый пятый.

¹⁵ 1) «Я поддерживаю возвращение в российское законодательство смертной казни за особо тяжкие преступления»; 2) «Российские законы должны иметь приоритет перед международными правовыми актами»; 3) «Государство в России должно иметь право отслеживать всю электронную почту и любую другую информацию, которой люди обмениваются в Интернете»; 4) «Либеральная демократия не может быть построена в России в силу ее исторически сложившихся особенностей»; 5) «Суд присяжных – чуждый институт для российской правовой системы».

Таблица 9. Распределения ответов на дискуссионные вопросы в общественной повестке

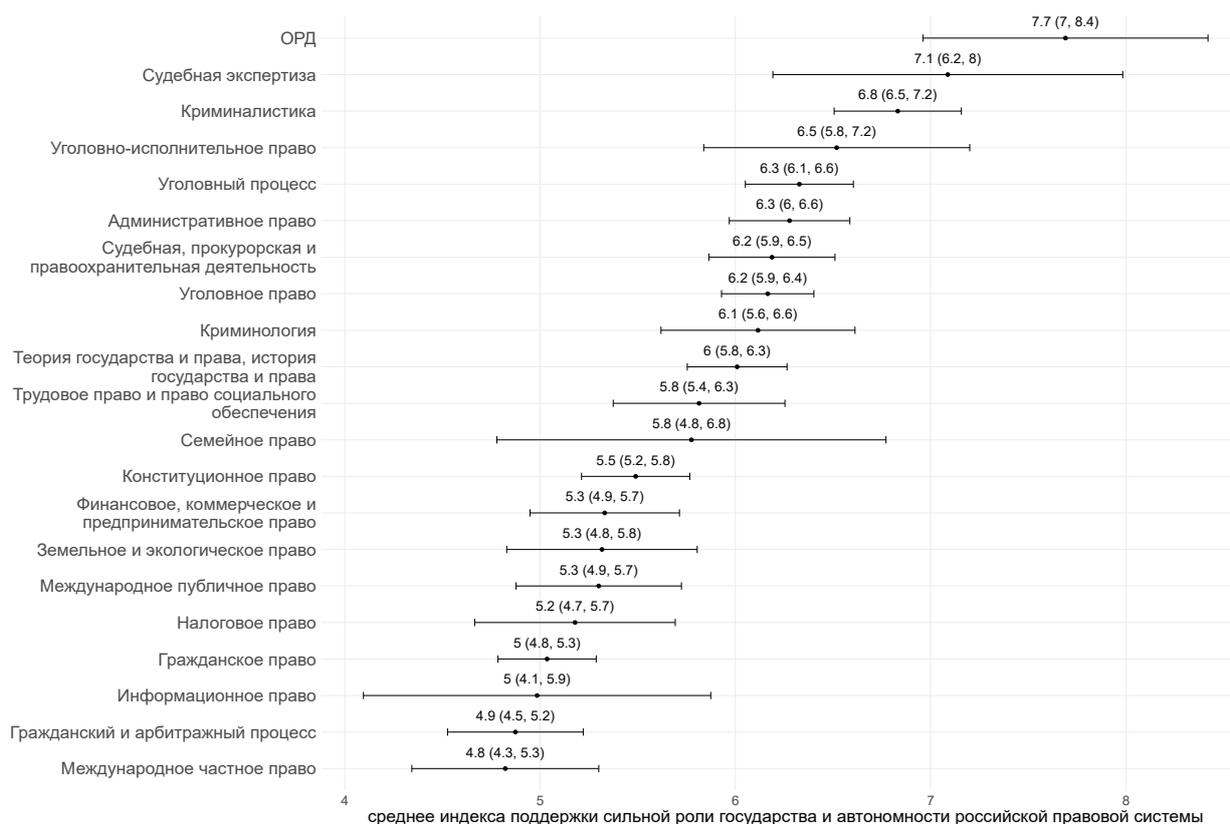
	<i>Полностью согласны,%</i>	<i>Скорее согласны, чем не согласны,%</i>	<i>Скорее не согласны, чем согласны,%</i>	<i>Полностью не согласны,%</i>	<i>Затрудняюсь ответить,%</i>
Я поддерживаю возвращение в российское законодательство смертной казни за особо тяжкие преступления.	24	20	16	31	8
Российские законы должны иметь приоритет перед международными правовыми актами	34	23	20	17	6
Государство в России должно иметь право отслеживать всю электронную почту и любую другую информацию, которой люди обмениваются в Интернете	7	11	27	49	5
Не существует развитых и отсталых правовых систем, все правовые системы равны	16	25	34	19	6
Я поддерживаю принятие закона о введении обязательного религиозного образования в школах	6	11	23	53	7
Закон, вводящий административную ответственность за «пропаганду гомосексуализма» среди несовершеннолетних, должен быть отменен	11	9	14	58	9
Либеральная демократия не может быть построена в России в силу ее исторически сложившихся особенностей	17	24	23	17	19
Суд присяжных – чуждый институт для российской правовой системы	7	15	31	40	7

Все пять утверждений, так или иначе, отражают ориентацию на высокую роль государства в сравнении с частными интересами, а также приоритет и своеобразие российской правовой системы по отношению к зарубежным правовым порядкам и международному праву. В итоге мы составили **индекс, выражающий степень поддержки** высокой роли государства и автономности российской правовой системы.

- те, кто полностью согласился по каждому вопросу, получили 3 балла,
- те, кто выразили умеренное согласие – 2 балла,
- те, кто скорее не согласился, чем согласился, – 1 балл,
- и 0 баллов получили те, кто выразил полное несогласие.

Итоговый показатель индекса для каждого респондента был рассчитан путем простого сложения всех баллов за 5 вопросов. В целом мы получили индекс от 0 до 15, с арифметическим средним 5,7 баллов, медианным значением – 6 баллов. Поскольку положительных ответов на два последних вопроса было немного, существенного перекаса индекса в пользу выразивших полное согласие не наблюдается. Скорее наоборот, число тех, кто не согласен по всем позициям, значительно превышает количество полностью согласных с утверждениями выше респондентов. Сравним среднее в группах респондентов, с разной специализацией (см. Рис. 7).

Рисунок 7. Распределение индекса поддержки высокой роли государства и автономности российской правовой системы среди ученых-юристов с разной специализацией

Прим.: Указаны среднее индекса по каждому типу специализации; в скобках указан доверительный интервал на уровне 95%.

Представители разных отраслей значительно отличаются в своей позиции по поводу роли государства и автономности правовой системы. Так, более склонны поддерживать пять вышеупомянутых утверждений юристы-ученые, специализирующиеся на оперативно-розыскной и судебной экспертной деятельности, а также в криминалистике, уголовно-исполнительном праве. Юристы, специализирующиеся на гражданском, гражданско-процессуальном и международном частном праве, демонстрируют скорее несогласие с данными представлениями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 10. Распределение ответов общего репутационного рейтинга юристов по успешности обнаружения персоналий.

	<i>Общий репутационный рейтинг</i>	<i>Рейтинг по специализации</i>
Формулировка вопроса	Кто из ныне здравствующих российских правоведов за последние 10 лет внес наибольший вклад в развитие российской юридической науки?	Кто из ныне здравствующих российских правоведов за последние 10 лет внес наибольший вклад в развитие Вашей отрасли права?
Число ответивших	2670 (63,8%)	2739 (65,4%)
Число ответов	1114216	11515
Среднее число ответов каждого респондента	4,17	4,20
Названо уникальных авторов	2488 (100%)	2755 (100%)
Соотнесены с базой потенциальных респондентов	2046 (82,2%)	2270 (82,4%)
Их них:		
Самоголосование (число человек)	164	202
Теряют упоминание в рейтинге после удаления самоголосования	126	127
Самоголосование (число ответов)	181	217
Среднее число самоголосований	1,1	1,07
Не соотнесены с базой потенциальных респондентов	442 (17,8%)	485 (17,6%)
Из них:		
найжены в РИНЦ и идентифицированы как авторы (включая и не юристов)	185 (7,4%)	217 (7,9%)
не найжены в РИНЦ или нет возможности идентифицировать	257 (10,4%)	268 (9,7%)

¹⁶ Каждый отвечающий мог назвать до пяти персоналий при ответе на каждый вопрос.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Сотрудники

Вадим Волков
научный
руководитель

Кирилл Титаев
директор
по исследованиям

Арина Дмитриева

Мария Шклярчук

Дмитрий Скугаревский

Екатерина Ходжаева

Тимур Бочаров

Алексей Кнорре

Владимир Кудрявцев

Денис Савельев

Дарья Кузнецова

Руслан Кучаков

Ксения Рунова

Дмитрий Серебренников

доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), Ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)

кандидат социологических наук, специалист по эмпирическим исследованиям права и правоприменения, ассоциированный профессор по социологии права им. С. А. Муромцева

социолог, экономист, специалист по экономическому анализу права

юрист, LL.M. (Hamburg), кандидат экономических наук, специалист по проблемам правоохранительной деятельности, сравнительному правоведению

PhD (The Graduate Institute of International and Development Studies), ассоциированный профессор по эмпирико-правовым исследованиям Европейского университета в Санкт-Петербурге, экономист, специалист по Law & Economics, судебной статистике, микроэконометрике, Big Data

кандидат социологических наук, специалист по исследованиям юридической профессии, полиции, судов присяжных

юрист, социолог, специалист по гражданскому и арбитражному процессу криминолог

криминолог, специалист по регулированию

кандидат юридических наук, специалист по информационному праву и интеллектуальным правам

юрист, специалист по регулированию

экономист, специалист по регулированию

социолог, специалист по пенитенциарной системе

социолог, историк

Административный директор – **Мария Батыгина**

Администратор – **Анна Яско**

Наши книги

- Э. Панеях, К. Титаев, М. Шклярчук. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб., 2018. – 476 с.
- Т. Бочаров, А. Дмитриева. Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком: монография. М., 2021. – 232 с.
- Т. Бочаров, Е. Моисеева. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб., 2016. – 278 с.
- К. Титаев, М. Шклярчук. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. – 192 с.
- В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. – 272 с.
- Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции. М., 2015. – 320 с.
- Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014. – 568 с.
- По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России. М., 2014. – 331 с.

Серия аналитических статей

- Т. Бочаров, Д. Савельев, Д. Скугаревский. Арбитражные споры по видам экономической деятельности сторон: аналитический обзор. СПб., 2022. – 20 с.
- Р. Кучаков, Д. Скугаревский. Контроль и надзор в 2021 г. Возврат к норме или новая парадигма?: аналитический отчет. СПб., 2021.
- Д. Савельев, Д. Скугаревский. Нормы о невозможности исполнения обязательств: обзор практики арбитражных судов. СПб., 2021. – 24 с.
- К. Рунова, Д. Скугаревский, Л. Жижин. Тюремная география, денежные переводы и социальные связи заключенных: аналитическая записка. СПб., 2021. – 18 с.
- Д. Савельев. «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов: аналитическая записка. СПб., 2021. – 17 с.
- К. Титаев. Нормы и практика в уголовной политике: разрывы и дисбалансы. СПб., 2020. – 15 с.
- Д. Скугаревский, Р. Кучаков. Сценарии расширения мер государственной поддержки экономики при пандемии. СПб., 2020. – 6 с.

Все материалы сотрудников ИПП Вы всегда можете найти на сайте www.enforce.spb.ru

